

СВОЕОБРАЗИЕ РОССИЙСКОГО ТРИПАРТИЗМА

*Работа представлена кафедрой прикладной политологии Высшей школы экономики.
Научный руководитель – доктор политических наук, профессор Ю. А. Нисневич*

Опыт развитых демократических стран показал, что систематические консультации в треугольнике бизнес – труд – государство, получившие в политической науке название трипартизм, способны стабилизировать политическую систему. В России технология трипартизма была заимствована в начале 1990-х гг. Слабость формальных профсоюзов предопределила возможность доминирования бизнеса в системе трипартистских отношений. В ходе последовавшей «контратаки» государство подчинило себе бизнес, присвоив себе право выступать от имени труда, призывая бизнес к «социальной ответственности». В результате российские трипартистские механизмы приобрели особенные характеристики, не предусмотренные исходным замыслом. В статье выделены преимущества и недостатки, а также перспективы развития сложившейся модели российского трипартизма.

Ключевые слова: *трипартизм, современная российская политика, взаимоотношения труда и бизнеса, институализация бизнеса.*

A. Sergeyev

PECULIARITY OF RUSSIAN TRIPARTISM

The experience of some developed democratic countries has showed that the regular consultations in the triangle “business – labour – state” stabilise the political system

on the top of the interparty competition structure. In Russia the tripartism technology was adopted at the beginning of the 1990s. Some weakness of the formal trade unions has predetermined the possibility for the business to be dominant in the system of tripartism relations. In the course of the following "counter-attack", the state has overridden the business, and thus it has assumed the right to speak on behalf of the labour by calling the business to be "socially liable". As a result, the Russian tripartism mechanisms have obtained some special properties that were not provided by the idea. The article emphasises some advantages and disadvantages, and also further trends in the development of the Russian tripartism model that has already been formed.

Key words: *tripartism, modern Russian politics, relations of business and labour, institutionalisation of business.*

Практика организации систематических трехсторонних консультаций между объединениями профсоюзов, работодателей и представителями государства, ставшая известной под названием «трипартизм», в конце XX в. получила широкое распространение во многих регионах мира. Ее популярность была обусловлена успехом стратегии формирования «общества всеобщего благосостояния» в таких странах Западной Европы, как Австрия, Швеция и ФРГ, где стремительный послевоенный экономический рост сопровождался очевидной социально-политической стабилизацией, включающей затухание масштабных классовых конфликтов, сотрясавших Европу в первой половине прошлого столетия. Таким образом, трипартистские институты оказались эффективны в решении задачи смягчения казавшихся ранее непримиримыми противоречий между трудом и капиталом.

В рамках трипартистских консультаций достигались соглашения об уровне заработной платы в отдельных отраслях хозяйства и экономике в целом, принимались решения о структуре занятости, механизмах реализации социальных гарантий и других социально значимых проблемах. В результате укреплялась социальная стабильность, но ее ценой стало частичное огосударствление и бюрократизация профсоюзов, а также ограничение присущего бизнесу динамизма, поскольку масштабные решения теперь требовали сложных предварительных согласований.

К началу XXI в. стало очевидно, что трипартизм не превратился в универсальный механизм социального партнерства. В США трипартистские механизмы не прижились

вообще, здесь процесс торга и взаимодействия между предпринимателями и профсоюзами довольно редко перерастает уровень отдельно взятой корпорации. В Японии, Австралии и Южной Корее недолгое увлечение трипартистскими методами сошло на нет [11]. В Италии поддержка трипартистских принципов социального партнерства в общественном мнении существенно снизилась, и размах трипартистского регулирования социальных процессов пошел на убыль [8]. Вместе с тем в Германии, Нидерландах и Ирландии общественность вполне удовлетворена результатами этой технологии социального управления и различные политические партии, сменяющие друг друга у руля государственной власти, не пытаются пересмотреть ее основные принципы.

Можно выделить 2 основные предпосылки внедрения трипартистских методов в практику социального управления. Во-первых, с их помощью достигалась некоторая деидеологизация конфликта между трудом и капиталом. Политические партии, бравшие на себя задачу формулирования и отстаивания классовых интересов в рамках традиционных механизмов парламентской демократии, неизбежно заостряли возникавшие противоречия, поскольку смешивали интересы с ценностями, выражая их в виде идеологических формул. Так, социалистические и социал-демократические партии не просто стремились повысить уровень заработной платы наемных работников, но боролись с эксплуатацией трудящихся. Либеральные и консервативные партии, в свою очередь, не просто обосновывали недопустимость повышения уровня налогообложения прибыли, но защищали священный

принцип свободы предпринимательства от посягательств со стороны государства. Очевидно, что в ситуации столкновения принципов компромисса достичь сложнее, чем в случае сугубо прагматического торга по вопросу о распределении грядущих доходов. В то же время освещение в СМИ процесса регулярных консультаций между профсоюзами и предпринимательскими организациями постепенно укрепляло в обществе представление о необходимости учитывать и уважать в экономике стратегические интересы партнеров.

Во-вторых, государство участвовало в трехсторонних консультациях не просто в качестве уважаемого посредника, но и выступало в роли гаранта интересов слабой стороны. Изначально такой стороной являлись профсоюзы, поскольку избыточное предложение рабочей силы на рынке труда зачастую позволяло предпринимателям минимизировать расходы на заработную плату. Кроме того, заведомо превосходящие организационные и финансовые ресурсы большого бизнеса позволяли ему доминировать в массовой коммуникации и обеспечивать благоприятную повестку дня. При этом профсоюзы постоянно сталкивались с проблемой «безбилетников», проявляющейся в том, что далеко не все наемные работники проявляли готовность поддерживать деятельность профессиональных союзов членскими взносами и личным участием.

Оставленные один на один в конфликте с бизнесом профсоюзы могли использовать по сути единственный доступный им аргумент в виде угрозы забастовки, а профсоюзный актив проникался радикальными левыми идеями. Поддержка со стороны государства позволяла профсоюзам вести диалог на равных и доказывать свою полезность для работников, не прибегая слишком часто к крайним средствам.

В некоторых странах с переходной экономикой в роли слабой стороны оказывались представители бизнеса. Так случилось в странах Южной Азии, где профсоюзы традиционно пользовались огромным политическим влиянием, а в общественном мнении преобладали патерналистские и этатистские взгляды [9]. В конце прошлого века полити-

ческая элита этих стран, осознавшая невозможность успешного экономического развития без создания благоприятной среды для бизнеса, использовала трипартистские механизмы для защиты предпринимателей от чрезмерных требований со стороны профсоюзов.

Во всех случаях трипартизм использовался в качестве метода социальной стабилизации и смягчения конфликтов между трудом и капиталом.

В России система трипартистских консультаций была закреплена в законодательстве и внедрена в социальную практику в начале 1990-х гг., на фоне разрушения прежней социально-политической системы. Этот социальный институт был просто целиком заимствован из практики Западной Европы. Очевидно, что в нашей стране, как и в других посткоммунистических государствах, на тот момент не существовало полноценных организаций, которые могли бы эффективно выражать и отстаивать интересы работодателей и наемных работников [10]. Сложные и запутанные процессы приватизации требовали времени. Формирование слоя предпринимателей, осознающих себя в качестве собственников, в это время еще только началось, поэтому от лица бизнеса в консультациях принимали участие преимущественно директора крупных государственных (или полугосударственных) предприятий. В качестве их партнеров по переговорному процессу выступали руководители тоже полугосударственных по существу профсоюзов. Более того, именно на крупных государственных предприятиях профсоюзы являлись своеобразным придатком администрации, в задачу которого входило распределение разнообразных льгот и пособий для работников.

Очевидно, что между такими работодателями и профсоюзами едва ли могли возникнуть серьезные конфликты, требующие государственного посредничества. Кроме того, внедрение механизма трипартистских консультаций происходило в условиях масштабной трансформационной экономической депрессии, сопровождавшейся ростом безработицы. В этой ситуации даже менее бюрократизированные профсоюзы вынуждены

были бы считаться с обстоятельствами и не обострять конфликты с работодателями.

Тем не менее ежегодно на федеральном и региональном уровне представители объединений работодателей и наемных работников подписывали Соглашения о социальном партнерстве.

Необходимость участия в этом довольно формальном процессе ускорила процессы институционализации российского бизнеса. В ноябре 1994 г. был создан Координационный совет объединений работодателей (КСОР) в рамках Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. В марте 2000 г. Координационный совет преобразован в некоммерческую организацию – Союз «Координационный совет объединений работодателей России» (КСОРР). С 2005 г. – Общероссийское объединение работодателей «Координационный совет объединений работодателей России». В его состав входит 35 объединений (общероссийские межотраслевые, отраслевые и региональные), крупнейшие корпорации и холдинги [1].

От имени наемных работников соглашения обычно подписывали представители Федерации независимых профсоюзов России. В 1996 г. в разработке и подписании трехстороннего Соглашения приняло участие объединение альтернативных профсоюзов – Конфедерация труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это до сих пор это единственный в России 1990-х гг. случай официального признания права альтернативных профсоюзов участвовать в региональном социальном партнерстве. Интересно, что от лица городской Администрации Соглашение было подписано первым заместителем мэра В. В. Путиным [6].

Таким образом, на момент внедрения трипартистских практик в России не могла быть задействована схема стабилизации экономических отношений за счет поддержки государством слабой стороны в конфликте труда и капитала. Обе стороны предполагаемого конфликта были достаточно слабы, но и у государства явно недоставало ресурсов для их поддержки. Кроме того, в смягчении конфликта не было острой необ-

ходимости, ввиду отсутствия сколько-нибудь масштабной конфликтной ситуации.

Несколько сложнее оценить эффективность трипартистских механизмов для предотвращения чрезмерной идеологической поляризации электората, а также повышения уровня конструктивности и прагматизма в общественном сознании. Действительно, в России 1990-х гг. идеологическое противостояние между коммунистами и демократами представляло угрозу социальной стабильности и сужало горизонты делового планирования. Но «линия идеологического фронта» проходила не между работодателями и наемными работниками, а, скорее, между относительно молодыми и успешными сторонниками модернизации, проживавшими в крупных городах, и пожилыми приверженцами традиционных ценностей из российской глубинки. Крупнейшая оппозиционная партия этого периода – КПРФ, несмотря на постоянные реверансы в сторону «рабочего класса и трудового крестьянства», в действительности выражала не столько интересы наемных работников, сколько ценности российского «культурного консерватизма», базировавшиеся на традиционализме, патернализме, а также ностальгии по рухнувшей советской цивилизации и недавнему державному величию страны.

Акцент на обсуждении вопросов экономического развития мог бы помочь смягчению остроты идеологического раскола в том случае, если бы рыночная экономика могла предложить «культурным консерваторам» материальную компенсацию за символические утраты. В условиях продолжающегося трансформационного экономического спада это не представлялось возможным. Единственное зримое достижение начального этапа рыночных реформ – ликвидация дефицита и насыщение потребительского рынка на фоне снижения покупательной способности не адаптировавшихся к рынку слоев населения – воспринималось ими как элемент социального расслоения, поскольку представители выигравших социальных групп проявили склонность к «демонстративному потреблению».

Как мы видим, в 1990-х гг. трипартистские консультации в России не выполняли тех

функций, ради которых этот механизм был создан в европейских социальных государствах. Применительно к этому периоду можно согласиться с формулировкой С. П. Перегудова, согласно которой трипартизм в России можно считать «треугольником взаимовыгодной имитации» [4]. Имитационный характер заимствования зарубежных социальных институтов и технологий, вообще является характерной чертой российских модернизаций, и трипартизм в этом смысле не отличается от таких более значимых институтов российского посткоммунистического периода, как парламентаризм, федеративное государственное устройство и свобода СМИ.

Но необходимо отметить, что в процессе модернизации некоторые имитационные социальные институты постепенно начинают приобретать реальное значение, хотя смысл их деятельности может не вполне совпадать с исходным замыслом институциональных дизайнеров. С нашей точки зрения, у российского трипартизма есть потенциал не только для закрепления в системе российского законодательства (что фактически уже достигнуто после принятия Трудового кодекса 2002 г.), но и для реализации важной конструктивной роли в условиях политической стабилизации начала XXI в. За последние два десятилетия в России сложилась относительно эффективная рыночная экономика, обеспечившая в 2000–2008 гг.

высокие темпы хозяйственного роста. В это же время возник ряд предпринимательских организаций с широкой организационной структурой и довольно четко очерченным кругом приоритетов. Очевидно, что организационный и финансовый потенциал этих структур позволяет им достаточно успешно лоббировать свои интересы в органах государственной власти и влиять на общественное мнение с помощью средств массовой информации.

Вместе с тем система взаимодействия предпринимательского сообщества с государственными структурами в глазах широкой публики пока не приобрела статус легитимной и уважаемой практики. Скорее, наоборот, в массовом сознании это взаимодействие воспринимается как элемент коррупции.

Дело в том, что бизнес, в особенности крупный, воспринимается значительной частью населения без особых симпатий. По данным Левада-центра, в 2007 г. меньше половины российских граждан поддерживали мнение, согласно которому деятельность крупных бизнесменов и предпринимателей идет в целом на пользу России (табл. 1).

Позитивные тенденции, как видно из табл. 1, имеют место, но их скорость не слишком велика.

Репутация малого и среднего бизнеса в глазах российских граждан лучше, чем у крупного (табл. 2).

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?» [2, с. 143]

Ответ	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Определенно на пользу	9	9	9	8
Скорее на пользу	28	30	34	36
Скорее во вред	35	32	32	28
Определенно во вред	16	17	12	12
Затруднились ответить	12	13	13	16

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Деятельность среднего и малого российского бизнеса идет сейчас в целом на пользу или во вред России?» [2, с. 143]

Ответ	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Определенно на пользу	15	15	12	10
Скорее на пользу	48	47	51	49
Скорее во вред	18	18	17	16
Определенно во вред	7	7	6	6
Затруднились ответить	12	14	14	18

Это различие объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, обычному человеку легче представить себя на месте предпринимателя средней руки, чем на посту владельца крупной корпорации. С владельцами малого и среднего бизнеса почти каждый имел дело, а представление о крупных бизнесменах люди получают преимущественно из СМИ, при этом речь идет, скорее, не о деловых новостях, а о репортажах из раздела светской хроники. Во-вторых, российские граждане не без оснований считают, что владельцы российского крупного бизнеса в основном не создавали свои корпорации, а получили свои активы в результате несправедливой приватизации. Согласно результатам опроса Левада-центра, в 2007 г. только 11% россиян выразили готовность «принять результаты приватизации такими, как они есть». При этом 30% опрошенных требуют «полностью пересмотреть результаты приватизации», еще 28% считают необходимым «пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий и важнейших отраслей экономики» и 17% поддерживают идею пересмотра итогов приватизации «в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать, а также задерживать выплату зарплаты и налогов» [2].

К этому можно добавить две дилеммы, осложняющие задачу легитимации предпринимательства в общественном сознании. Первая – заключается в том, что отделение гражданского общества от государства предполагает невмешательство предпринимательства в политику, и государство постоянно провозглашает свою «равноудаленность» от бизнеса. С другой стороны, государство видит задачу в защите предпринимательства как источника стабильности и развития, а предпринимательство в обеспечение этой задачи формулирует и реализует политические интересы и цели. Вторая дилемма связана с тем, что частная собственность становится основой предпринимательства и экономики российского государства, а с другой

стороны, окончательная легитимация собственности не состоялась, и требуются значительные политические усилия для ее защиты.

Необходимость улучшения имиджа крупного российского бизнеса в глазах российских граждан не вызывает сомнений. Предпринимательству необходимо смыть с себя родовое пятно «несправедливой приватизации». Именно эта проблема не дает возможности сформировать в современной России политическую систему, основанную на полноценной (а не имитационной) политической конкуренции. До тех пор, пока большинство российских избирателей готово поддержать масштабный передел собственности, конкурентные выборы чреватых приходом к власти левых популистов, чьи решения могут оказать катастрофическое воздействие на российскую экономику.

Трипартистские механизмы могут предоставить достаточное количество информационных поводов для демонстрации «социальной ответственности» российского бизнеса и его готовности делиться плодами экономического роста с представителями менее преуспевших слоев населения.

Самым слабым звеном российского трипартизма, несомненно, являются профсоюзы. Хотя ФНПР и заявляет о том, что в ее состав входит 30 млн россиян [1], эти данные не вызывают доверия. Во всяком случае, в 1990-х гг. избирательные объединения с участием этой организации собирали на выборах существенно меньше голосов избирателей. Так в 1995 г. ФНПР приняла участие в выборах в Государственную думу РФ в союзе с Российской объединенной промышленной партией. Блок под названием «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда» собрал на выборах лишь 1,59% голосов [3].

Независимые профсоюзы постепенно набирают силу на некоторых предприятиях, но ожидать существенного роста их популярности в ближайшее время не приходится. Дело в том, что демографические тенденции в большинстве регионов Российской Феде-

рации не только ликвидировали к концу первого десятилетия XXI в. избыточное предложение на рынке труда, но и стали провозвестником эпохи дефицита трудовых ресурсов. Как утверждает заведующая лабораторией анализа и прогнозирования миграции ИМП РАН Жанна Зайончковская, уже в 2008 г. трудоспособное население Российской Федерации сократится на 700 тыс. человек, в 2009 г. – еще на миллион, а общее сокращение трудоспособного населения в период до 2025 г. составит более 18 млн человек [7].

Конкуренция между предпринимателями за трудовые ресурсы подталкивает вверх уровень средней заработной платы быстрее, чем это могли бы сделать усилия профсоюзов по организации забастовочного движения. Важнейший стимул для участия наемных работников в профсоюзном движении ослабевает.

В данной ситуации российская модель трипартизма могла бы быть скорректирована. На замену профсоюзам или в дополнение к ним в качестве участника консультационного процесса могли бы прийти представители общественных организаций, объединенные в рамках системы Общественных палат [5].

Поскольку в России сложилась политическая система с одной доминирующей партией, обществу могут потребоваться альтернативные каналы для артикуляции и обсуждения назревших социальных проблем. Трипартистские механизмы в этой ситуации вполне могут быть востребованы. Кроме того, трипартистские консультации могут стать важным стимулом для продолжения процесса институционализации бизнеса в условиях ограничения возможностей его влияния на государственную власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мальшев М. А.* Трипартизм в системе социального партнерства // Социология власти. 2008. № 1.
2. Общественное мнение – 2007 / сост. Н. Зоркая. М.: Левада-Центр, 2007. С. 272.
3. *Пасынкова В.* Политические стратегии профсоюзов в 1989–2003 годах // Политэкс. 2006. № 2.
4. *Перегудов С. П.* Треугольник взаимовыгодной имитации // Независимая газета. 2007. 20 марта.
5. *Перегудов С. П.* Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Политические исследования. 2007. № 3. С. 78–91.
6. *Савич А. В.* Развитие социального партнерства в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. URL: www.warwick.ac.uk/russia/documents/Savich01.doc
7. *Травина А.* Ищу рабочих // Новое время. № 37. 2008. 15 сентября.
8. *Bordogna L.* Italy: Articulating Tripartite National Dialogue with Company Bargaining. // Sectoral Social Dialogue in Future EU Member States: The Weakest Link. / Edited by Youcef Ghellab and Daniel Vaughan-Whitehead. – Budapest: International Labor Office, 2003. P. 283–316.
9. *de Silva S.* Tripartism, Employers and their Organizations. International Labor Organization, 1998. URL: <http://www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/papers/1998/srstripa.htm>
10. *Cox T.* Interest Groups and the Development of Tripartism in East Central Europe. // European Journal of Industrial Relations, 2000. Vol. 6. No. 3. P. 325–347.
11. *Katz G.* The Changing Nature of Labor, Management and Government Interactions. / The New Structure of Labor Relations: Tripartism and Decentralization. / Edited by Harry Charles Katz, Wonduck Lee, Joohee Lee. Cornell University Press, 2004. P. 1–9.